

■ ■ ■ Медийно-информационная грамотность как основа борьбы с девиациями в системе государственной и муниципальной службы

Степанов К.В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Аннотация. Исследование посвящено девиации политико-административных элит в системе государственной и муниципальной службы. Автором установлено, что борьба с девиацией «коррупционного сознания» на уровне элит носит во многом формальный номинальный характер, при этом недостаточно используются медийно-информационные механизмы. Несмотря общественный запрос на проведение последовательной антикоррупционной политики, ее реализация, по мнению автора, осложнена отсутствием условий и мотивации сотрудников вне коррупционной составляющей. Автор видит решение проблемы в развитии медийно-информационной грамотности государственных и муниципальных служащих, ответственных за обеспечение открытости власти, национальной политики в области образования, культуры, информации и СМИ. Медийная грамотность рассматривается в этой связи как фактор формирования ценностных установок и борьбы с коррупционными девиациями, что отчасти подтверждается приведенными в тексте данными опросов государственных служащих.

Ключевые слова: медийная грамотность, информационная грамотность, профессиональные девиации, коррупция, государственная и муниципальная служба

Для цитирования: Степанов К.В. Медийно-информационная грамотность как основа борьбы с девиациями в системе государственной и муниципальной службы // Коммуникология. 2025. Том 13. № 1. С. 154-165. DOI 10.21453/2311-3065-2025-13-1-154-165.

Сведения об авторе: Степанов Константин Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета. ORCID: 0009-0004-2534-8916. E-mail: kstepanov@sfedu.ru. Адрес: 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2025. *Принята к печати:* 20.03.2025.

Введение. Предметом исследования являются девиации политико-административных элит в системе государственной и муниципальной службы, или «семь грехов современной бюрократии» («коррупция и взяточничество; бюрократизм и бумаготворчество; злоупотребление властью, служебным положением; клановость и круговая порука; угодничество перед властью имущими;

Конфликт интересов: статья публикуется с нарушением установленных сроков рассмотрения рукописей по распоряжению главного редактора, надлежащая процедура рецензирования не проводилась.

хамство; амбициозность, карьеризм)» [Старостин 2018: 588] в контексте теории и практики административных реформ, феномена государственной службы и его этико-правовой проекции, политико-правовой, организационной культуры общества и элит, общественного поля понимания проблем коррупции и представления данной проблемы в дискурсе власти, и так далее.

Устранению девиаций может способствовать повышение медийно-информационной грамотности государственных и муниципальных служащих. Разработанная с участием экспертов из 40 стран под эгидой ЮНЕСКО Московская декларация о медиаграмотности (2012 г.) дает следующее определение медийно-информационной грамотности: «Медиа- и информационная грамотность – это совокупность знаний, установок, умений и навыков, которые позволяют получать доступ к информации и знаниям, анализировать, оценивать, использовать, создавать и распространять их с максимальной продуктивностью в соответствии с законодательными и этическими нормами и с соблюдением прав человека»¹.

Методология исследования. Исследование девиаций политико-административных элит в системе государственной и муниципальной службы основано на междисциплинарном подходе, включающем политологический, социологический, правовой и организационно-управленческий анализ. Теоретическая основа исследования включает концепции институционального анализа [North 1990]; теории бюрократии [Wilson 1887; Вебер 1990; 2016], теории девиантного поведения [Мертон 2006], а также современные подходы к изучению коррупции российских [Юрковский и др. 2018; Тихомиров и др. 2013; Киселев, Опокин 2020; Савченко и др. 2023] и зарубежных авторов [Heidenheimer 2022]. Институциональный анализ применен для выявления причин девиационных практик в государственном управлении с учетом влияния политической, социальной и культурной среды. Особое внимание уделено феноменологическому анализу восприятия государственной службы через призму общественного мнения и самовосприятия государственных служащих.

Результаты и обсуждение. Негативное восприятие чиновников в общественном мнении способствует низкому престижу этой профессии. Как следствие государственная служба теряет перспективные альтруистически кадры, но пропорционально растет количество сотрудников, мотивированных задачами получения стабильных социальных гарантий, привилегий, материальной выгоды. Таким образом, уровень привлекательности имиджа и престижа государственной службы оказывает влияние на уровень девиаций, связанный с низким качеством человеческого капитала, феноменами коррупции и ориентации на корпо-

---

¹ Московская декларация о медиа- и информационной грамотности // Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех», 28 июня 2012 года [эл. ресурс]: https://www.ifapcom.ru/files/News/Images/2012/mil/Moscow_Declaration_on_MIL_rus.pdf m88mno1jez848143971 (дата обращения: 20.12.2024).

ративный и личный интерес в процессе профессиональной деятельности, а не на высокие идеалы, связанные с общественным и государственным служением.

Традиционный негатив в последние годы понемногу сменяется нейтральными или позитивными оценками: «опрошенные государственные гражданские служащие достаточно высоко оценивают престиж государственной службы в обществе: положительное отношение к институту государственной службы проявляют более 90% опрошенных. Примерно такое же количество респондентов оценили престижность государственной службы на 4 и 5 баллов, т.е. как «очень престижную» и «престижную». ...Для сравнения: в опросе 2010 года около четверти опрошенных считали государственную службу непрестижной, а средний балл оценки престижности государственной службы, выставленный самими государственными служащими, составлял 3,6» [Богдан, Михеева 2023: 59]. Приведенные данные можно считать положительной оценкой результативности проводимых в последние годы административных реформ и внедрения моделей оценки профессиональной пригодности и компетенций. Вместе с тем, по результатам актуального опроса госслужащих на тему оценки качества, престижа госслужбы и ее сотрудников «следует отметить обобщенность большинства характеристик, отсутствие конкретности, наличие в образе преимущественно типичных деловых и морально-нравственных характеристик. Данный имидж отражает образ «функционального» человека, лишённого «человеческих» характеристик» [Там же: 62]. Однако, в общественном сознании превалирует запрос на чиновника, наделённого человеческими, а не только функциональными профессиональными качествами, среди которых доминируют такие качества как эмпатия, внимательность к людям, желание решить их проблему, бескорыстие, что требует от чиновников высокого уровня развития эмоционального интеллекта, психологических, морально-нравственных компетенций [Розанова 2017].

Принимая во внимание, что в результате опроса государственных служащих среди остальных профессиональных качеств (по десятибалльной шкале) «более низкие баллы получили качества «бескорыстность» (6,9), «консерватизм» (6,9) и «ориентированность на результат» (7,4)» [Богдан, Михеева 2023: 60], можно сделать вывод о том, что в госслужбе по-прежнему существует основание для развития такой девиации как коррупция.

Коррупционная составляющая. Исследованию коррупции посвящено достаточное количество публикаций [см., например: Юрковский и др. 2018; Тихомиров и др. 2013; Киселев, Опокин 2020; Савченко и др. 2023]. Вместе с тем, следует указать на ряд системообразующих характеристик и особенностей коррупции, которые имеют отношение к разработке концепции антидевиационного менеджмента на уровне политико-административных элит, государственной и муниципальной службы.

Коррупция как социально-экономический и политический феномен является негативной девиацией, связанной не только со взяточничеством, но и с нецеле-

вым использованием государственных средств, схемами «откатов», злоупотреблением должностными полномочиями в целях обогащения. Более того, коррупция выступает базисом для возникновения и проявления таких распространенных, к сожалению, на уровне общества и политических элит феноменов как криминальность, корыстность, воровство, стяжательство, клиентелизм, правовой нигилизм, непрозрачность публичной политики и т.д.

Поскольку коррупция относится к теневым феноменам, однозначно верифицировать и определить ее уровень на уровне общества и элит сложно, но согласно существующим способам оценки, уровень коррупции в России традиционно высок¹. Немаловажно, что широкое распространение коррупции делает ее своеобразной нормой политической и социальной жизни в стране, что переворачивает представления о норме и патологии, негативно влияет на паттерны общественного сознания.

В России борьба с коррупцией получила приоритет на законодательном уровне². Среди мер предотвращения развития и распространения указанной девиации на уровне общества и элит можно выделить два основных аспекта:

- наказание за коррупционную деятельность;
- трансформация сознания, которая делает коррупцию невозможной и нежелательной.

Меры по борьбе с коррупцией в области развития антикоррупционного законодательства совершенствуются, как и способы выявления и устранения коррупционных явлений на всех уровнях власти. Такая деятельность приносит позитивные результаты³. Вместе с тем, параллельно совершенствуются схемы обхода законодательства, что делает девиацию «коррупционного сознания» еще более изощренной, а наказание за нее перестает быть неотвратимым. Информационно-коммуникационные технологии в этом смысле могут использоваться не только для упрощения процессов, но и для улучшения взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами в борьбе с коррупцией⁴.

Отражения коррупции в официальном дискурсе отличаются неполнотой и внутренней противоречивостью. Провозглашаемые в официальном дискурсе

---

¹ Transparency International. Corruption Perceptions Index [el. source]: <https://www.transparency.org/en/cpi> (дата обращения: 23.07.2024).

² О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента РФ № 478 [эл. ресурс]: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (дата обращения: 23.07.2024).

³ Уровень коррупции в РФ и некоторые антикоррупционные приоритеты. Подкомиссия общественной палаты РФ по проблемам противодействия коррупции [эл. ресурс]: <https://docs.yandex.ru/docs?type=docx> (дата обращения: 19.01.2025).

⁴ Kijang S., Dato Onn J. Leveraging ICT tools to fight corruption. Enhancing Government Effectiveness and Transparency The Fight Against Corruption, Malaysia [el. source]: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/235541600116631094/pdf/Enhancing-Government-Effectiveness-and-Transparency-The-Fight-Against-Corruption.pdf> (accessed 15.03.2025).

подходы к борьбе с коррупцией не в полной мере реализуются в проводимой антикоррупционной политике» [Павроз 2021: 7]. Это означает, что граждане хорошо осведомлены о том, что коррупция в России существует, широко распространена, и что она представляет собой социальное, психологическое, экономическое и политическое зло.

Причины коррупции видятся не в аморальности и криминальных наклонностях отдельных должностных лиц, но в институциональных дефектах общественно-политического устройства («корни коррупции находятся в самих изъянах устройства экономической и административной жизни государства, подпитываются некачественным законодательством и распространяются при отсутствии эффективного контроля за деятельностью должностных лиц, органов государственной и муниципальной власти и т.п.). Соответственно и стратегия борьбы с коррупцией увязывается не столько с репрессивными мерами, сколько с системными институциональными преобразованиями» [Павроз 2021: 14].

Медийно-информационная грамотность как основа формирования этики государственного служащего. Работа чиновника традиционно рассматривается в российском гуманитарном знании как служение, что определяет историческую преемственность для России и имеет непреходящий смысл.

Каждая историческая эпоха привносила свою интерпретацию государства и представления о правилах и нормах государственной службы, которые во многом определялись действующими на тот момент политическими элитами и лидерами. Соответственно, государственная служба как многофакторный и многоуровневый феномен имела свою историческую и политическую специфику, подкреплялась ценностным фундаментом господствующей во власти и обществе идеологией и ориентациями, например, либеральной идеологией западных демократий в постсоветский период, идеей консервативной модернизации и опорой на традиционные ценности в настоящее время.

Де факто государственные служащие – это профессионалы, которые за вознаграждение осуществляют трудовую деятельность на основании принципов федерализма, законности, верховенства Конституции РФ, единства требований к подготовке кадров для муниципальной и гражданской. В широком смысле к государственным служащим можно отнести «касту» бюрократов и чиновников, представителей административно-политических элит.

Наряду с профессионализмом и компетентностью для государственных служащих обязательной является медийно-информационная грамотность, а также соблюдение приоритета «прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения и защиты» [Баранова, Мингазова 2018: 28], а также принцип открытости государственной службы и «ее доступность общественному контролю, объективное информирование общества о деятельности государственных служащих» [Там же]. Соответственно, отклонение от данных принципов можно квалифицировать как девиацию.

«В настоящее время государственная служба вновь обретает политическую значимость как институциональное основание государственного управления, как главный структурный элемент власти, отстаивающий интересы государства, обеспечивающий интересы народа и осуществляющий коммуникацию между органами власти и народными массами» [Тараканов 2023: 115]. Вместе с тем, следует отметить, что современная государственная служба, как показывают исследования, не только далека от идеала, не несет миссию трансляции в общество высоких стандартов государственного служения, но в значительной степени подвержена девиациям, которые характерны для современных российских политических элит [Старостин 2018].

Двойственность феномена государственной службы (социально-политический и институт управления) предполагает его изучение в институциональном, организационно-правовом и политическом аспектах, которые во много детерминированы актуальным состоянием культуры современной России, ее этическими, организационными и правовыми аспектами.

Следует отметить, что, во-первых, государственная служба в исторической ретроспективе и перспективе подвержена девиационной тенденции превращения «элиты заслуг» в «элиты привилегий», что детерминирует девиации «служилого сословия», замену меритократии на медиакратию. А, во-вторых, история становления бюрократических государств в Европе и России показывает, что во взаимозависимости элит и бюрократии они наследуют черты патримониальных государств и соответствующую интенцию распределению ресурсов в корпоративных интересах.

«Принцип отношения к ресурсам в общем сохраняется и после распада династических государств и остается характерным для взаимоотношений современных чиновников с их работодателем – государством. ...Общность сословных интересов бюрократии как особой корпорации выражается в выгодном распределении ресурсов, получении как можно большей доли благ и привилегий» [Филатова: 178].

Это требует не только инструментальной корректировки феномена государственной службы, связанной со структурно-функциональными реформами и преобразованиями, но, прежде всего, трансформации организационной, политической культуры государственных служащих в этическом аспекте, связанном с приоритетом ценностей бескорыстного служения, клиент-ориентированности, мотивации к выбору профессии чиновника за пределами обретения материальной выгоды и социальных гарантий.

Основы мотивации государственных служащих. Потребность в нематериальной, ценностной мотивации соответствует общим тенденциям и потребностям, связанным со становлением постиндустриального общества, духу и практикам инноваций, которые с необходимостью должны опираться на человеческий капитал высокого качества с постденежной мотивацией и стремлением к

самоактуализации (креативный класс). Вместе с тем, это отвечает специфическому положению чиновников в системе государственной власти в ценностно-целевой аспекте, поскольку идеал рационализации государственного управления, приоритет общего над частным, являются, по мнению классиков теорий бюрократии [Вебер 1990; Бурдые 2007], исходными принципами и целевыми установками трансформации от династийных к бюрократическим государствам. Соответственно девиации, связанные с нарушением принципа целерациональной и ценностно-рациональной деятельности государственных и муниципальных служащих, подрывают функциональность и эффективность социально-политической системы, государственного менеджмента, публичной политики.

Бюрократия в процессе своего генезиса опиралась на такие присущие ей навыки и функции, как образование, подразумевавшее не только умение читать и писать, но и подбирать информацию, необходимую для принятия решений. Со временем бюрократия становится значимым актором публичной политики, поскольку обладает необходимыми навыками и компетенциями для государственного управления, способностью влиять на политические династийные элиты и политических лидеров посредством информационного и административного обслуживания. Это актуализирует проблематику культуры, ценностей и, в целом, образования чиновников как основания их позиционирования в обществе в качестве «касты» государственных служащих.

Особенности организационной, этической, правовой и информационной культуры государственных служащих рассматриваются как основной критерий соответствия возложенной на них обществом и государством функции служения, наравне с трансляцией, на основе личного примера, приоритета общественного интереса над частным. Здесь нормативное поле культуры государственной службы, наряду с инструментальными ценностями профессиональной деятельности, связанными, например, с дисциплиной и профессиональной грамотностью, описывается такими концептами как «гуманизм», «лояльность», «законопослушность», «честность», «неподкупность», «справедливость», «моральный и профессиональный долг», «патриотизм».

С одной стороны, чиновники должны быть лояльными государству, выступать посредниками между обществом и государством, в том числе проводниками ценностей и стратегических приоритетов официального уровня власти, отраженных в документах стратегического развития страны. С другой стороны, они должны сохранять политическую нейтральность в том смысле, что они не должны использовать известную им информацию и полномочия, административный ресурс в целях политической борьбы и корпоративной выгоды, осуществлять свою профессиональную деятельность в интересах определенных партий и элит.

Фактически, это означает, что государственные служащие не могут в полной мере руководствоваться идеологической составляющей, а последняя должна быть уравновешена принципами целерациональности и законности.

Во многих развитых странах на законодательном уровне в целях обеспечения политической нейтральности чиновников им резонно запрещено вести политическую деятельность, выступать против конституционного строя, делать публичные заявления в СМИ на основе своих политических симпатий и антипатий. Их лояльность и патриотизм, тем самым, должны носить безличный и политически нейтральный характер. Отклонение от обозначенного «должного» чревато девиациями, связанными с превышением должностных полномочий, использованием административного ресурса в политических целях, служением не народу, а собственным интересам в составе политико-административных элит.

Медийно-информационная грамотность чиновников как основание для соблюдения информационной культуры. Описанный функционал актуализирует потребность в проведении оценки наличия у чиновников совокупности знаний, установок, умений и навыков, которые позволяют получать доступ к необходимой для принятия управленческих решений информации, анализировать, оценивать, использовать её с максимальной продуктивностью в соответствии с законодательными и этическими нормами и с соблюдением прав человека. Государственные служащие, несмотря на специфику и обособленность их положения и функции в системе государственной власти, являются частью общества, поэтому на них продолжает оказывать влияние общее «ядро» культуры, которое характерно для конкретного общества, культурно-цивилизационной матрицы страны.

Переходя от должного к сущему, следует отметить, что актуальный мониторинг и исследования информационной и политической культуры государственных служащих столь же редки, сколь и необходимы [Хорошкевич 2024]. Это детерминируется тем фактом, что государственные служащие принимают непосредственное участие в претворении в жизнь политических решений и склонны, в силу своей исключительной близости к политическим элитам, перенимать и развивать девиации элитного уровня власти, поэтому постоянный мониторинг и контроль необходимы.

«Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих»¹ предписывает чиновникам демократический стиль руководства, открытость, умение создавать благоприятный климат в коллективе и работать в команде, осваивая коллективный уровень управления и лидерства, владение современными информационными технологиями, высокий уровень креативности и адаптации, которые позволяют эффективно решать новые задачи в современных условиях быстрой смены социально-политической обстановки и внедрения новых технологий.

---

¹ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Одобрено решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 года (протокол N 21) [эл. ресурс]: <https://docs.cntd.ru/document/420254359> (дата обращения: 23.12.2024).

Однако, как показывают современные исследования, «в массе своей чиновники продолжают воспринимать свою деятельность в категориях вертикальных отношений и контроля, в то время как для решения сложных, многоплановых проблем и своевременного использования открывающихся перспектив необходимо превратить лидерство в живой социальный процесс, вовлекающий общности и сообщества» [Филичкин 2019; Сиденко 2022].

На эффективность государственных служащих влияют так же имиджевые характеристики: имидж государственной службы, ее привлекательность оказывает влияние на престиж профессии, мотивацию к ее получению и исполнению профессиональных обязанностей, но при этом имидж является он отражением образа чиновника в общественном сознании. «Понятие имиджа государственной службы можно охарактеризовать как сложившийся в общественном сознании собирательный образ ее представителя (государственного служащего), основанный на представлениях о должных нормах и моделях его поведения в соответствии со своим статусом» [Богдан, Михеева 2023: 57-58].

Выводы. Негативное восприятие чиновников в общественном мнении снижает престиж профессии, что в свою очередь, не лучшим образом отражается на состоянии ее кадрового потенциала. Коррупция, наряду с прочими девиациями государственной службы, обусловлена не столько индивидуальными качествами чиновников, сколько системными институциональными дефектами, преодоление которых предполагает внедрение институционального инструментария – системных реформ, направленных на повышение прозрачности и подотчетности. Вместе с тем, в обществе существует запрос на чиновников, обладающих не только профессиональными, но и человеческими качествами, такими как эмпатия, бескорыстие и внимание к гражданам. В этом отношении медийно-информационная грамотность может рассматриваться как основание для формирования необходимого набора ценностных установок государственного служащего, этических и правовых норм.

Источники

Баранова И.В., Мингазова Э.Э. (2018). Основные принципы государственной службы // Вестник магистратуры. № 12-5 (87). С. 27-29.

Богдан Н.Н., Михеева Е.В. (2023). Восприятие государственных служащими имиджа и престижа профессии // Развитие территорий. № 1 (31). С. 57-65.

Бурдье П. (1999). Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.

Вебер М. (1990). Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс.

Вебер М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. М.: ВШЭ.

Киселев С.Г., Опокин А.Б. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией на государственной службе // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 2 (839). С. 24-30.

Кузьмин Е.И., Паршакова А.В., Борисенко А.С. (2017). Медийно-информационная грамотность и формирование культуры открытого правительства // Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества: сб. статей международной конференции. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества.

Мертон Р. (2006). Социальная структура и аномия // Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ.

Павроз А.В. (2021). Противоречия восприятия коррупции населением России и ее презентации в официальном дискурсе // Социум и власть. № 1 (87). С. 7-21.

Розанова Н.Н. (2017). Идеальный государственный гражданский служащий: изменение ожиданий населения в динамике 2014–2016 гг. // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 3. С. 7-11.

Савченко И.А., Устинкин С.В., Самсонов А.И. (2023). Коррупция как форма социальной несправедливости. Москва: ИНФРА-М.

Сиденко О.А. (2022). Лидерские компетенции государственных и муниципальных служащих в контексте проблематики коллективного публичного лидерства // Россия: тенденции и перспективы развития. № 17-3. С. 294-299.

Старостин А.М. (2018). Исследовательская философия. Ростов-на-Дону: Издательство РГЭУ (РИНХ).

Тараканов А.В. (2023). Историческая преемственность концепции государственной службы и ее современная трансформация // Журнал прикладных исследований. № 6. С. 109-116.

Тихомиров Ю.А. и др. (2013). Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ПОЛИГРАФ-ПЛЮС.

Филатова О.В. (2013). Пьер Бурдьё о природе бюрократии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 1. С. 172-180.

Филичкин С.Л. (2019). Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 2. С. 51-56.

Хорошкевич Н.Г. (2024). Индикаторы исследования политической культуры государственных гражданских и муниципальных служащих. Часть 1 // Власть. Т. 32. № 3. С. 140-151.

Юрковский А.В., ред. (2018). Актуальные проблемы противодействия коррупции. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Heidenheimer A.J. (2022). *Political Corruption Concepts and Contexts*, 3rd ed. Routledge.

North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press DOI: 10.1017/CBO9780511808678.

Wilson W. (1887). *The Study of Administration*. *Political Science Quarterly*. Vol. 2. No. 2. P. 197-222. DOI: 10.2307/2139277.

■ ■ ■ Media and Information Literacy as a Means of Deviations Prevention in State and Municipal Service

Stepanov K.V.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Abstract. The study is dedicated to the deviations of political and administrative elites in the system of state and municipal service. The author has found that the fight against the deviation

of “corruption consciousness” at the elite level is largely formal and nominal, while media and information tools are objectively underused. Despite the public demand for a consistent anti-corruption policy, its implementation, in the author’s opinion, is complicated by the lack of conditions and motivation of employees outside the corruption component. The author sees a solution to the problem in the development of media and information literacy of state and municipal employees responsible for ensuring the openness of government, national policy in the field of education, culture, information and the media. Media literacy is considered in this regard as a factor in the formation of value attitudes and the fight against corruption deviations, which is partly confirmed by the data of surveys of civil servants.

Keywords: media literacy, information literacy, professional deviations, corruption, state and municipal service

For citation: Stepanov K.V. (2025). Media and information literacy as a means of deviations prevention in state and municipal service. *Communicology*. Vol. 13. No. 1. P. 154-165. DOI 10.21453/2311-3065-2025-13-1-154-165.

About the author: Stepanov Konstantin Vladimirovich – CandSc (Law), associate professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Southern Federal University. ORCID: 0009-0004-2534-8916. E-mail: kstepanov@sfnu.ru. Address: 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 105/42.

Received: 14.03.2025. *Accepted:* 20.03.2025.

References

- Baranova I.V., Mingazova E.E. (2018). Basic principles of civil service. *Vestnik Magistrature*. No. 12-5 (87). P. 27-29 (in Rus.).
- Bogdan N.N., Mikheeva E.V. (2023). Perception of the image and prestige of the profession by civil servants. *Territory Development*. No. 1 (31). P. 57-65 (in Rus.).
- Bourdieu P. (1999). The spirit of the state: Genesis and structure of the bureaucratic field (transl.). In: *Poetics and Politics*. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia (in Rus.).
- Filatova O.V. (2013). Pierre Bourdieu on the nature of bureaucracy. *RUDN Journal of Sociology*. No. 1. P. 172-180 (in Rus.).
- Filichkin S.L. (2019). Model Code of Ethics and Official Conduct of Civil Servants of the Russian Federation and Municipal Employees. *Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*. No. 2. P. 51-56 (in Rus.).
- Heidenheimer A.J. (2022). *Political Corruption Concepts and Contexts*, 3rd ed. Routledge.
- Khoroshkevich N.G. (2024). Indicators of the study of the political culture of state civil and municipal employees. Part 1. *Vlast*. Vol. 32. No. 3. P. 140-151 (in Rus.).
- Kiselev S.G., Opokin A. B. Foreign Experience in Combating Corruption in the Civil Service. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. Issue 2 (839). P. 24-30 (in Rus.).
- Kuzmin E.I., Parshakova A.V., Borisenko A.S. (2017). Media and information literacy and the formation of an open government culture. In: *Interregional Center for Library Cooperation: collection of articles from the international conference*. Moscow: Interregional Center for Library Cooperation (in Rus.).
- Merton R. (2006). Social Structure and Anomie. In: *Social Theory and Social Structure* (transl.). Moscow: AST (in Rus.).

North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press DOI: 10.1017/CBO9780511808678.

Pavroz A.V. (2021). Contradictions in the perception of corruption by the population of Russia and its presentation in the official discourse. *Society and Power*. No. 1 (87). P. 7-21 (in Rus.).

Rozanova N.N. (2017). The Ideal civil servant: Changing population expectations in the dynamics of 2014-2016. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*. No. 3. P. 7-11 (in Rus.).

Savchenko I.A., Ustinkin S.V., Samsonov A.I. (2023). *Corruption as a Form of Social Injustice*. Moscow: INFRA-M (in Rus.).

Sidenko O.A. (2022). Leadership competencies of state and municipal employees in the context of the problems of collective public leadership. *Russia: Trends and Development Prospects*. No. 17-3. P. 294-299 (in Rus.).

Starostin A.M. (2018). *Research Philosophy*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State University of Economics (RINH) (in Rus.).

Tarakanov A.V. (2023). Historical Continuity of the Civil Service Concept and Its Modern Transformation. *Journal of Applied Research*. No. 6. P. 109-116 (in Rus.).

Tikhomirov Yu.A. et al. (2013). Participation of Civil Society Institutions in the Fight against Corruption. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, POLIGRAF-PLUS (in Rus.).

Weber M. (1990). *Politics as a Vocation and Profession* (transl.). In: *Selected works*. Moscow: Progress (in Rus.).

Weber M. (2016). *Economy and Society: Essays on Understanding Sociology*. Sociology (transl. from German by L.G. Ionin). Moscow: Higher School of Economics (in Rus.).

Wilson W. (1887). *The Study of Administration*. *Political Science Quarterly*. Vol. 2. No. 2. P. 197-222. DOI: 10.2307/2139277.

Yurkovsky A.V., ed. (2018). *Actual Problems of Combating Corruption*. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (in Rus.).